

публика можетъ быть правосудна“. Впрочемъ другіе полководцы оставались независимыми отъ Румянцова, и ему не приходилось играть хотя бы сколько-нибудь важную роль. Къ тому же военныя операціи скоро кончились, когда состоялся третій раздѣлъ Польши. Двумя годами позже Румянцовъ скончался.

О Потемкинѣ Завадовскій отзывался часто, иногда въ рѣзкихъ выраженіяхъ, иногда довольно благопріятно. Въ 1787 году онъ говорилъ о проектѣ возведенія Потемкина на польскій престолъ. Достойна вниманія слѣдующая характеристика Потемкина въ письмѣ отъ 1-го іюля 1789 года, послѣ пребыванія князя въ Петербургѣ, куда онъ отправился, завладѣвъ Очаковымъ: „Князь Потемкинъ, возвратясь побѣдителемъ, весьма былъ ласковъ и привѣтливъ; раза два гостилъ въ моемъ домѣ. Однажды (т.-е. однажды), ведя со мною разговоръ, сказалъ, что ежели бы онъ вѣрилъ тому, что къ нему писано, то считать бы долженъ меня первымъ своимъ врагомъ. Нерадѣніе его, при жаждѣ властвованія, въ отношеніи дѣлъ суть его пороки. Но благотворность есть также его превосходное свойство, и сія добродѣтель въ немъ со излишествомъ. Все стоячее онъ валить и лежащее поднимаетъ; врагамъ отнюдь не мстителенъ. Много въ немъ остроты, много замысловъ на истинную пользу; но сіи надобно исполнять бы другимъ. Словомъ, премного добраго; но общая ненависть къ нему выбираетъ только худое. Достигая все покорить подъ свою пяду, не дорожитъ способами; но и величайшій мужъ Іулій Цесарь былъ in omnia praesens. Не уподобляю, однакожъ, ни устѣховъ, ни конца, ибо сфера не одинакова. Довѣренность могуществу его равна“ и пр. Весною 1791 г. Завадовскій писалъ: „Князь, сюда (въ Петербургъ) заѣхавши, инымъ не занимается, какъ обществомъ женщинъ, ища имъ нравиться и ихъ дурачить и обманывать. Влюбился онъ еще въ арміи въ княгиню Долгорукову, дочь кн. Бятынскаго. Женщина превзошла нравы своего пола въ нашемъ вѣкѣ: пренебрегла его сердце. Онъ мечется, какъ угорѣлый. Уязвленное честолюбіе дѣлаетъ его смѣхотворнымъ. Пороки Аннибала, пороки Александра видимъ безъ ихъ великихъ дарованій. До сихъ послѣднихъ достигнуть труднѣе, чѣмъ претворить нашу столицу въ Капую, въ Вавилонъ“. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины Потемкина Завадовскій очень рѣзко писалъ о дѣятельности его слѣдующее: „Изъ войны турецкой вышли мы не безъ славы, но опустошили столько свои карманы, что долго пребудемъ въ голяхъ. Власть и расточительность покойника изрыла ямы; его память и теперь съ похвалами, и о его имени многое течетъ, какъ прежде. Губерніи